

Луи Арагон

избранные стихи

О Г Л З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы
Москва 1946

Р 584

1088-42

Подпольные издания сделали известными многие имена, которые никто раньше не знал,—Жак Дестен, Франсуа де Колер, Вателс, Меркадье, Арно де Сен-Роман, Жан Дюо, Морис Эрван, Лоран Даниэль, Минервуа. За каждым из них стоят произведения, которые подчас изумляют своей энергией, особенно стихи. И все это литература, сражавшаяся каждой строкой, обращенная не к «любителям стиха», а к народу. Свешный ветер! Когда после победы стало возможно назвать тех, кто отсюда честь французской литературы, то оказалось, что Жак Дестен, Франсуа де Колер, Арно де Сен-Роман — это Арагон, давно уже известный стране поэт; что Жан Дюо, Морис Эрван — это не менее известный Элюар; что Лоран Даниэль — это Эльза Триоле; Минервуа — это Клод Авелин; Жан Нуар — это Кассу; Жан Даме — это Муссиак. Наряду с ними стали в строй рожденные «страшными годами» писатели — Пьер Сегерс, Пьер Эмманюэль, Луис Массон, из которых борьба за Францию сделала превосходных мастеров литературы.

«Во тьме, окруженная опасностями, французская литература искала свой завтрашний день», — писали «Тетради освобождения». Да, искала, переживая глубочайшее обновление. Она служила народу. Возрождение шире проявилось в поэзии, может быть потому, что в формах лиризма скорее могло найти свое выражение все то, что пришлось в эти годы пережить человеку, для которого трагедия родины была его личной трагедией.

Бесспорно крупнейшей фигурой поэзии французского Сопротивления был и остается Луи Арагон. Чтобы воздать должное «поэту родины», как назвал его Морис Торез в докладе на съезде КПФ в июне 1945 года, попытаюсь показать сделанное им в «страшные годы», что прославило его во Франции и за ее пределами и обеспечило ему глубокую признательность его народа.

«Между двух войн» было для Арагона временем, когда он боролся за освобождение французской литературы от засилья деморализаторов. Он уже тогда был подлинным французским патриотом. Ему принадлежало требование «возврата к реальности». Два романа, которыми он начал серию «Мир, как он есть» — «Базель-

ские колокола» и «Богатые кварталы», — были убедительной реализацией этого призыва. Участие Арагона в движении народного фронта, в защите испанской республики, в разоблачении «мионкского дела» было само собой разумеющимся. Этот писатель жила жизнью своего народа, и его богатое воображение и жизненными творчество не могло быть нейтральным. Отметим, что Арагон сделал много, чтобы рассказать своему народу правду о Советской стране (книга стихов «Ура, Урал!»).

«Страшные годы» сделали его первым поэтом Франции. Он глубоко, как гражданин и поэт, пережил трагедию, поведал о ней «кровью сердца» (так можно назвать по-русски его сборник «Le Crève-Coeur»). Он стал солдатом Сопротивления. В его стихах нашли выражение горечь небывалой катастрофы, мужество лучших, вступивших в борьбу, и надежда, уверенность, которые нужны были народу, как воздух. Когда сейчас перечитываешь томики, вобравшие поэтическую энергию, которая восторжествовала над самыми тяжелыми испытаниями, приходишь к выводу, что это — лучшее из созданного поэтом за всю его жизнь.

Последуем за Арагоном по пути, который он прошел в годы войны. Открывается этот путь стихами, написанными во время «странной войны», которой немцы и их французские сообщники обманули бдительность Франции.

Отступая перед врагом, предатели из клики Далада и Петана одновременно вели чудовищное наступление на французский народ. Были сосланы на каторгу депутаты-коммунисты, разгромлены рабочие организации. Подлинных патриотов подвергались жестоким преследованиям, в то время как там на фронте «в комых грязи мы глохли под противогазом», сознавая, что эта «странная война» — подлый обман.

В стихах Арагона, написанных на фронте и позднее в первые дни после разгрома, французам «речь ведут на трагедийном языке». Все представляется здесь «ночью среди бела дня», «новой Вальбургской ночью» «средневековой ночью», «видениями апокалипсиса». Поруганная и обесеченная Франция стала подобна древнему Пергаму, — она лежит в развалинах. Она «разорвана в клочья» и поэт «несчастней, чем само несчастье». В

этом хорале скорби постоянно звучит мотив «растерзанной любви», весь «вихрь образов» окрашивается этим переживанием личного горя.

В стихах сборника «Crève-cœur» запечатлена трагедия, пережитая французским народом.

Удары, нанесенные героической советской армией немецко-фашистским захватчикам, изменили весь ход войны и позволили Франции выйти из состояния оцепенения, спалити и ввести в действие свои антифашистские силы.

1) В книгах Арагона, последовавших за его первым военным сборником, можно проследить, как родилось и росло Сопротивление свободолюбивого французского народа.

2) В конце 1942 года в Швейцарии вышла книга стихов Арагона «Глаза Эльзы», получившая, как и «Le Crève-Cœur», огромную известность во Франции. Здесь много таких стихов, которые обычно называют стихами о любви, и лиризм Арагона, чистый, как горное озеро, и глубоко человеческий, достигает в этой книге большой выразительности, — но сильнее всего здесь чувство родины.

Скорби поэта безгранична. Он бережно перебирает воспоминания о красотах французского юга, о камнях Парижа, о гряди Луары, об Артоновых лесах и садах Версаля, он всматривается в дали французской истории, чтобы вдохнуть в себя величие прошлого, он вспоминает строки Расина, Стендаля, чтобы смягчить щемящую боль сердца, — ведь все это родина, ныне страдающая и униженная. Достаточно назвать здесь одну из самых глубоких и впечатляющих поэм сборника — «Та, что прекраснее слез».

Трагически прекрасный образ родины встает с этих страниц, полных муки, но не отчаяния: поэт уверен в бессмертии своей родины и ждет часа, когда она поднимется из дымных развалин. Эту надежду вселяли стихи Арагона в тех, кто боролся за Францию, и в этом была сила его поэзии. Стихи об Эльзе, при всей их лирической интимности, обращены к дальним горизонтам: Франческа да Ринини, Лаура, воспетая Петраркой, Изольда — образы совершенной любви, созданные мировой поэзией, вступают сюда, чтобы раздвинуть рамки лирического по-

вествования. Эта возвышенная и возвышающая любовь живет «au beau milieu de notre tragédie» — посреди нашей трагедии, и ее ничем не отделить от «зарева, окрашившего даль».

Но конечно, дело не сводилось только к этим мотивам. Не стань поэзия Арагона оружием действия, ей не хватало бы воздуха. И вот в подпольной печати появляются Жак Дестен, а потом и другие имена, которыми Арагон вынужден был прикрывать свое авторство. «Французская заря» («La Diane française») — так называется сборник, в котором соединились эти стихи. Став простым, ясным и, хочется сказать, народным, стих Арагона достигает огромной силы. «Баллада о человеке, который шел под пушкой, облетевшая всю Францию, может служить примером. Не только героический образ мужества, данный в этих стихах, но каждая короткая, как удар, строка («Je meure et France demeure» — «Я умр^ю, но Франция остает^{ся}») были призывом.

3) Мощная «Песня о сорока тысячах», — о неравной борьбе марсельцев против немецких карателей, передает нарастание угрозы, исходящей из немой и бессильной пока толпы. Последние строчки, переплетающиеся с «Марсельезой», доводят это нарастание до предела, веришь, что взрыв близок и неизбежен. Трогательно-прекрасная «Легенда о Габриэле Пери» запечатлела действительно ходившее в народе предание о том, что на могиле расстрелянного французского героя всегда цвели голубые гортензии; неизвестно, когда и кто их туда приносил, а стража никак не могла справиться с наводившими на нее ужас цветами... Эта легенда, кажется, достигает предела прозрачной и трагической образности. И здесь каждая строка, полная внутренней музыки, к сожалению, не передаваемой никаким переводом («Et fleurit Gabriel Péri» — «И расцвел Габриэль Пери»), призывая к возмездию, к действию. Так же трудно передать во всей ее поэтической силе концовку «Легенды»:

И бьется еще для Франции
Сердце Габриэля Пери.

Арагон пишет «Песню франтирера», которая действительно пелась партизанами, пишет «Французскую

ессно» и «Французский марш», чтобы дать их людям, взявшимся за оружие. Народное движение окрыляет поэта, его стихи наполняются бодростью, он видит приближение зари. ✓

Не раз в призывных стихах Арагона возникает образ Советской России, образ вдохновляющий и высокий:

✓ Слушай, Франция, ты не одна...
✓ Пусть примером нам русское мужество служит...

Приведем из «Французской зари» еще одно стихотворение, показывающее, как разнообразна была боевая поэзия Арагона. Оно называется «Новобранцу шта деревень». Покидая свой дом, «маки» уносит с собой сто звучных названий знакомых ему французских деревень, — из этих «любимых имен», пахнущих родиной, составляется целая патриотическая поэма.

Стихи, составившие «Французскую зарю», писались в тяжелых условиях подполья, по разным поводам, нередко наспех, но теперь в книге, появление которой стало возможно лишь после победы, они образуют удивительно стройное целое: все они пронизаны одним все подчиняющим себе стремлением победить. Это — слова бойца. ✓

Поэтическая работа Арагона в рядах Сопротивления охватывала самые разнообразные области. Арагон-сатирик создает «Musée Grévin» — книгу стихов, в которой показан жуткий «паноптикум» врагов Франции, это книга гнева.

Написал Арагон и несколько повестей; некоторые из них появились под псевдонимом в подпольных изданиях; после победы все вместе составили книгу «Servitude et grandeur des Français»¹. Они дают картину французской жизни в годы 1940—1944 со всей ее жестокой правдой. Как это и подчеркнуто названием, в эти годы не было одной Франции: одни стали «коллаборационистами», другие боролись. Этому противопоставлено «servitude» и «grandeur», сделанному беспощадно, посвящена книга. Она, как и все, что делала в

¹ «Падение (буквально — рабство) и величие французов».

эти годы Арагон, актуальна. После победы вышел писавший в годы катастрофы роман «Орельен — хроника 1922 года» — новое звено в цикле «Мир, как он есть».

Можно лишь поражаться объему и разнообразию творческой работы Арагона в условиях опасности и лишений, в трагической обстановке катастрофы. Только преданность родине, только близость к своему народу дала Арагону возможность такого творчества. Пожелаем нашему другу такого же большого успеха в будущем и выскажем уверенность, что французский народ, которому предстоит еще многое испытать и свершить, вдохновит своего певца на новые поэтические достижения!

И. Анисимов

ПОЭТ ОБРАЩАЕТСЯ К ПАРТИИ

Мне партия дала глаза и память снова...
Я начал забывать, как детский сумрак сна,
Что сердцем я француз, что кровь моя красна,
Я помнил только ночь и цвет всего ночного...
Мне партия дала глаза и память снова.

Мне партия дала родной легенды благо.
Вот скачет Жанна д'Арк, Роландов рог поет,
А в Альпах есть плато, где наш герой встает.
Простейшее из слов опять звенит, как шпага.
Мне партия дала родной легенды благо.

Мне партия дала французский флаг, три цвета.
Спасибо, партия, за грозный твой урок.
Всё песней быть должно, круг песенный широк.
И это — боль и гнев, любовь и радость это.
Мне партия дала французский флаг, три цвета.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ради-Мессива.
Бари, Жозеф (1779—1793) — юный герой республиканской армии периода французской революции.
Клебер, Ж. Б. (1753—1800) — известный полководец эпохи французской революции.
Вальми — 20 сентября 1792 года при Вальми произошло знаменитое сражение, в котором французские революционные войска одержали победу над прусскими интервентами.

Из книги «Нож в сердце»¹

«Любовь в разлуке». — Впервые напечатано в армейском журнале «Поэты в касках» в № 2 от 20 февраля 1940 г. Написано в Круа-Сюр-Орк в декабре 1939 г.

Santa Espina. — Написано в марте 1940 г.
Santa Espina — название каталонской песни.

Регва. — Впервые напечатано в № 1 журнала «Поэзия 1940 года». Написано в Конда-Сюр-Эско, во время боевой тревоги на бельгийской границе, где автор находился с отрядом 1-го кирасирского полка.
Эйлер, Л. (1707—1783) — знаменитый математик и астроном. В старости потерял зрение, но продолжал свою научную работу.

¹ В сборнике «Нож в сердце» стихи сопровождаются библиографическими справками, которые использованы в наших примечаниях.

Из книги «Французская зари»

«Баллада о том, как поют под пыткой». — В этом стихотворении воспета героическая смерть Габриэля Пери, члена Политбюро ЦК французской коммунистической партии, одного из выдающихся руководителей движения Сопротивления.

«Песня о сорока тысячах». — Немецкие оккупанты пытались подавить движение Сопротивления на юге, направляя с маршевыми войсками, предприняли наступление на город Аррас, в котором они пробовали взять в плен 40 000 марсельцев, осажденных в старом порту, героически державших против немцев в старом вооруженных танками и пулеметами.

«Песня о Страсбургском университете». — Страсбургский университет был эвакуирован в глубь Франции, в Клермон-Ферран, где университет возродился, став одним из центров Сопротивления. Гитлеровцы жестоко расправились с патриотами — студентами и профессорами; одни из них были арестованы, другие — выслааны в Германию.

«Слава»
 Макш (maquis). — Этим словом обозначали партизанское подполье и партизан во Франции.

СОДЕРЖАНИЕ

«Песня о сорока тысячах»	3
«Песня о Страсбургском университете»	11
«Слава»	15
«Макш»	18
«Баллада о том, как поют под пыткой»	20
«Песня о сорока тысячах»	22
«Песня о Страсбургском университете»	24
«Слава»	26
«Макш»	28
«Баллада о том, как поют под пыткой»	32
«Песня о сорока тысячах»	34
«Слава»	39
«Макш»	41
«Баллада о том, как поют под пыткой»	43
«Песня о Страсбургском университете»	51

На книги «Французская вари»

Прелюдии Французской вари. Перев. П. Антокольского	61
Завтра перед зариском. Перев. М. Павловой	64
Баллада о том, как поют под шуткой. Перев. П. Антокольского	66
Песня о сорока тысячах. Перев. П. Антокольского	69
Песня вольного стрелка. Перев. П. Антокольского	71
Легенда о Габриэле Пери. Перев. П. Антокольского	73
Песня о Страсбургском университете. Перев. А. Ковалкова	77
Французский марш. Перев. П. Антокольского	80
Салва. Перев. М. Павловой	82
Об убитой девочке. Перев. М. Павловой	84
Париж. Перев. П. Антокольского	85
Поэт обращается к партии. Перев. П. Антокольского	86
Примечания	87

Редакторы Е. Пелис и Б. Сурков
Технический редактор Р. Цыпко
Художник Н. Акимович

Сделан в набор 14.VI.1947 г. Подготовлено к печати 5/XI.1946 г.
А-11508 Формат бумаги 70x92¹/₂ п. печ. д. -1 вкладка, 2,51 уч.-изд. л.
Тираж 10 000. Заказ № 902.

В к-те тиража «Политграффинанс» Отдел при Совете Министров СССР,
Москва, 1-й Самотечный, 17.

7 АГО 1947